

текст
Марина Ткачева

Эти попутные заметки посвящаются двум темам. Первая – некоторые социологические «ума холодные наблюдения и горестные заметки» по поводу назначения заборов – не в том привычном смысле, что забор и в Африке забор, а так, как это складывается на наших глазах в городе.

Вторая тема проклюнулась прямо в процессе письма: следует ли забору быть проектируемым и красивым? И что такое его красота? Ответа я пока не вижу, но приходит в голову уже интересовавшая меня когда-то тема рамы и картины. Тут много аналогий.

Пока что удавшейся историей видится сюжет первый, который может служить прелюдией к теме и принадлежит истории довольно давней. Я еще помню, какие споры кипели в среде неархитектурной интеллигенции, когда было решено восстановить ограду вокруг Художественного музея. Противники установления аргументировали свою позицию тем, что здание музея

станет «закрытым», перестанет быть публичным местом. Опасения не оправдались: территория музея – удачный пример гармонии «рамки» (исторической ограды) и «картины» (самого здания). Прозрачность, доступность для взгляда территории двора дополнена «режимом ограниченной функциональности» – возможностью соблюдать порядок, не допускать на ней хаоса и варварства.

Лет восемь назад по местному телевидению показывали документальный цикл Е. Поддубной «Иркутск. Избранное» (кстати, очень неплохой цикл! Странно, что его не повторили к юбилею города). В фильме «Два генплана» автор рассказывает, как застраивался центр города после пожара 1879 года. Владельцы участков земли в зоне пожара мгновенно огородили свои наделы и вновь начали строиться как бог на душу положит, не считаясь с генпланом и замыслами губернатора и управы. Для наведения хоть какого-нибудь

v Как ограду превратить в музей Фигерас музей-театр
Дали стена, она же забор

Место встречи изменить нельзя?

порядка, соблюдения необходимой регулярности в организации улиц городским властям приходилось даже отпиливать куски некоторых домов. Частные интересы и цели с трудом подчинялись логике города.

Деревянная и частная застройка предполагала усадьбу, пространство вокруг дома. Выделение его было бы невозможно без ограды, заплота. Когда происходило строительство, двор был территорией порядка, обжитым и «своим» местом. Так создавалась двойная перспектива: изнутри двора – защищенность и безопасность, снаружи – непроницаемость для взглядов и вторжения. Приватное спорило с городским, устанавливало линию разломов, где традиционное сталкивалось с современным, создавая «телесный» каркас для сегодняшних проблем и сегодняшней жизни Иркутска. Без загородки и сегодня не обходятся ни территория школы и детского сада, ни самый простенький газон где-нибудь в новом микрорайоне; в против-

ном случае место становится «ничьим». Его затаптывают, используют для парковки автомобилей (а иначе невозможно при отсутствии парковочных мест возле сооружений и офисов) или для несанкционированной свалки мусора.

Сегодня выйти за пределы линии уличной застройки весьма трудно: она и так вплотную приблизилась к проезжей части. Но городское пространство возможно «приватизировать» (и подчас весьма успешно). Так, вытесняя пешеходов, уменьшая и без того незначительную территорию доступных публичных мест в городе, появляются штендеры, выносные крылечки, лесенки офисов и магазинов, самовольные парковки на тротуарах. Одновременно умножается количество глухих заборов, создавая феномен непроницаемости большей части городского пространства, отсутствия возможности необходимой для любого города публичной жизни, усиливая монотонность (термин

v Гауди превращает пыль в искусство парк Гуэль Барселона

В. Глазычева) той деятельности, которая в нем осуществляется горожанами.

Организация жизни города и не самый теплый климат предполагают «свертывание» пространства, «утягивание» традиционных форм деятельности внутрь стен. Двор становится «полем битвы» публичного, общедоступного с частым, превращается в буферную зону, обозначенную разнокалиберными заборами. То, что находится вне стен домов, воспринимается как ничье, там умножается хаос, приходят в негодность надворные постройки, заборчики у палисадников (да и сами палисадники) исчезают... Забор, как и реклама, превращается в способ маскировки этого хаоса.

Пестрота этих сооружений зависит не только от небрежного отношения к территории фронта, не только от состоятельности хозяев, стремящихся к приватности, но и от фантазии «строителей»: заборы почти всегда – плод индивидуальной изобретательно-

сти. Во всяком случае, я ни разу не слышала, чтобы внешний облик забора проектировали специально (за исключением уже упомянутого Художественного музея и сквера Кирова); встречаются заборы-коряги, заборы – заросли стеклянных банок и бутылок, не говоря о привычных заборах – автомобильных покрышках.

Но забор – это и временное сооружение для маскировки строящегося объекта, защиты прохожих от случайностей на стройплощадке. Долгострой чреват оприличиванием забора: его поверхность обживается, обклеивается объявлениями разного сорта; вокруг него, опять-таки, копится мусор. Забор ограничивает обзор исторических памятников, скрывает недоделки и разруху. Он становится фокусом того, что я бы назвала «замершим изменением», затянувшимся переходом, очевидным и типичным признаком сегодняшней городской повседневности, в которой старое соприкасается

v Оутераоа Новая Зеландия. Врата ада: вход в парк гейзеров

> За 17 лет там вырос лесок, а забор стоит

> Был дом, стал забор. Иркутск

с новым. И есть такие места, где оно переливается в новое.

Казалось, «про это» сказано все и написано достаточно. Но вот пару лет назад весной появилось «новенькое»: вновь поставленные или обновленные старые заборы выкрасили в бело-зеленую вертикальную полосу. Огороженных территорий стало даже больше, чем прежде, и назойливые полосы сделали забор самостоятельным предметом городской жизни. Это уже не просто забор, а ЗАБОР!

У моих друзей в Окленде тоже есть заборчик: этикие символические пенечки между их и соседским участками. С этими людьми они очень дружны. Но на предложение убрать пенечки Джеймс, весьма приветливый программист средних лет, мягко сказал: «Да нет, зачем же? Пусть будут».

^ Когда б вы знали, из какого сора...

v Калатрава. Будущее архитектуры. Валенсия, ограда оранжереи

